

УДК 347
ББК 67.71

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ: ОПЫТ ИСТОРИОСОФСКОЙ РЕВИЗИИ

Грачев Николай Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса,
Волгоградский государственный университет
grachev.n.i@mail.ru, trofimov@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье делается попытка анализа судебной реформы 1864 г. как составной части всех Великих реформ 60-х гг. XIX века. Акцент делается на долгосрочных тенденциях и закономерностях развития российского общества и государства, вызванных этими реформами. При этом сами реформы и их последствия рассматриваются и оцениваются сквозь призму объективно существующих цивилизационных основ российской государственности и правовой ментальности населения, а также их сопоставления с западными политическими и правовыми стандартами. Проводятся определенные параллели между пореформенной Россией и современным состоянием правовой и политической системы российского государства.

Ключевые слова: судебная реформа, судебная система; Великие реформы; верховная власть; правообязанность; цивилизационные основы государственности; правовое государство, обязательное государство; правовая ментальность; юридическая форма.

20 ноября 2014 г. юридическая общественность нашей страны отметила 150-летний юбилей подписания императором Александром II судебных уставов, которые стали основой судебной реформы, создания «суда скорого, правого, равного и милостивого для всех», по выражению самого императора. По сути дела, с тех пор основные принципы судостроительства и судопроизводства, закрепленные в этих уставах, составляют основы организации деятельности судов и по настоящее время. К ним относятся: отделение судебной власти от административной, процессуальная независимость судей, равенство всех перед судом, гласность судопроизводства, его состязательный характер, право подсудимых на защиту и другие.

Для либерально-демократических концепций правового государства, конституцио-

нализма и разделения властей эти принципы выступают в качестве «священной коровы», не подлежащей критическому обсуждению. В этих теориях возобладало убеждение, что только независимость и организационная самостоятельность суда по отношению к другим государственным структурам способны обеспечить правосудие. Соответственно в них представляется, что при других формах организации государства – сословно-представительной, абсолютной и самодержавной монархии, социалистической республике и др. – суд является лишь инструментом в руках верховной власти, которая почему-то не заинтересована в справедливом разрешении дел судами, устанавливая за ними политический и административный контроль. В юридической литературе, как правило, с этих позиций оценивается и судебная реформа 1864 г., в резуль-

тате которой суды освободились от административного контроля и образовали относительно самостоятельную систему, что было существенным шагом на пути к становлению самостоятельной и независимой судебной власти и формированию правового государства. Однако полностью самостоятельной ветвью власти, как это предписано концепцией разделения властей, суды в Российской империи после реформы не стали. Чтобы судебная система стала представлять собой феномен судебной власти, необходимо, чтобы она или ее высшие сегменты обладали прерогативами судебного верховенства, то есть решающими полномочиями по вопросам своей собственной организации и деятельности. Это представляется необходимым потому, что в своей содержательной интерпретации принцип разделения властей носит почти исключительно гарантийно-охранительный характер, неотделимый от концепции прав человека, выступает как организационно-правовая гарантия их обеспечения и направлен, прежде всего, на обеспечение самостоятельности судебной власти как основного правоохранительного института. Именно наделение высших судебных органов полномочиями судебного верховенства создает для них реальную правовую возможность воздействовать на другие государственные органы, в том числе высшие законодательные и исполнительные (Парламент, главу государства, правительство), включает суды в систему разделения властей, позволяя им выполнять роль арбитра и контролера по отношению к другим органам государства.

Правомочия судебного верховенства включают в себя: 1) право издания и изменения законов, определяющих судебный организм и порядок деятельности судов при рассмотрении конкретных дел; 2) право назначения и утверждения судей и отстранения их от должности; 3) право верховного надзора за деятельностью судебных установлений; 4) право помилования (см.: [15, с. 156–157]). Указанные правомочия нигде и никогда не принадлежали и не принадлежат в полном объеме судебным органам. Все это заставляет усомниться в универсальности и реальности принципа разделения властей, высокой степени самостоятельности и независимости высших судебных инстанций даже в современных

либерально-демократических государствах Западной Европы и Северной Америки. Это хорошо видно на примерах Великобритании и США. В Соединенном Королевстве такой инстанцией является верхняя палата парламента, в состав которого, кстати, полностью входит правительство, формируемое нижней палатой, и сам монарх («монарх в парламенте»). Остается только гадать, где это *monsieur* Монтескье увидел в организации верховной власти Великобритании разделение властей, когда писал свою знаменитую работу «О духе законов», ставшую одним из основных источников этой теории. В США верховный суд формируется двумя палатами конгресса и президентом, назначающими по 1/3 его состава. При этом его председатель назначается президентом. Роль и значение судебных органов в этих странах, относительно высокая степень их независимости и самостоятельности определяются значимостью системы общего права, при которой суды выступают, в том числе, в качестве правотворческих органов, что также противоречит концепции разделения властей, тем более в ее классическом варианте, исповедуемом США.

По судебным уставам 1864 г. практически все прерогативы судебного верховенства остались за Государем Императором. Правосудие осуществлялось от его имени. Он назначал и увольнял судей. Смертные приговоры «Высочайше утверждались». По отношению к судьям и всем служащим судебных мест Государю Императору принадлежало право служебного верховенства. Ему же принадлежал верховный надзор относительно всей деятельности по отправлению правосудия с возможностью Высочайшей оценки деятельности судов и принятием прямых повелений общего характера по направлению их работы, которые должны были служить им к неперемennomу руководству. Император также председательствовал в Сенате, который являлся высшей судебной инстанцией и обладал правом утверждения решений Государственного Совета по преданию суду за должностные преступления высших чинов, занимающих должности первых трех классов как по административным, так и по судебным ведомствам, членов Государственного Совета и депутатов Государственной Думы. Кроме

того, он обладал правом помилования и утверждал приговоры уголовных судов, вступивших в законную силу, прежде их обращения к исполнению в отношении дворян, чиновников, священнослужителей, лиц, имеющих ордена и знаки отличия, когда наказания, присужденные им, соединялись с лишением всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ (см.: [7, с. 87–98]).

Все это позволяло утверждать, что так называемые ветви власти не могут не иметь единого ствола, каковым и фактически, и формально, и юридически являлась верховная власть самодержавного монарха (см.: [5, с. 145–150; 15, с. 146]), обладавшего всей ее полнотой, стоявшего над законом и выступавшего его источником.

Основные законы Российской империи 1892 и 1906 гг. относили судебную власть к власти подчиненного управления (ст. 10, 22), вместе и наряду с властью административной, в отличие от верховного управления, принадлежащего Государю Императору (ст. 4, 7, 10), и властью законодательных установлений, отнесенных к совместному ведению монарха, Государственной Думы и Государственного Совета (ст. 109) [2]. Как органы подчиненного управления, суды не могли контролировать деятельность органов исполнительной власти и не обладали правом надзора за конституционностью законов и Высочайших указов.

Означало ли это некую ущербность послереформенного суда в России, недостаточность или ограниченность правомочий судебных органов в осуществлении правосудия? Как считали современники и полагают нынешние исследователи, судебные уставы 1864 г. не только вполне соответствовали духу времени, но и более того, установленная ими судебная власть «могла считаться вполне либеральной в сравнении с ведущими современными мировыми образцами». Они закрепляли «глубоко демократические принципы ведения судопроизводства» [6].

Однако если рассматривать судебную реформу 1864 г. в комплексе со всеми Великими реформами 60-х гг. XIX в. и не с абстрактных позиций либеральных представлений о правовом государстве и разделении властей, но имея в виду необходимость соответствия «духа законов» ментальности, внутрен-

нему психологическому настрою и чаяниям народа и образу народной жизни, то, как пишет в цитируемой нами статье В.Д. Зорькин, что-то эти реформы «болезненно обрушили в российском обществе» [6]. Что же они обрушили и почему?

На первый вопрос «что?» автор дает вполне развернутый ответ. Реформы разрушили уже и без того ослабевшие связи между двумя основными классами общества – дворянством и крестьянами, а «при всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации». Они упразднили «устоявшуюся, привычную систему горизонтальных и вертикальных социальных связей и создали мощную сетку отчуждения между массами и элитой, массами и государством. Реформы законодательно отменяли старую систему социальных норм в условиях, когда новая система норм еще не только не была внутренне принята, но даже не была вполне осознана» [там же]. А на наш взгляд, не могла быть не осознана, не принята! И здесь возникает вопрос «почему?», на который в статье В.Д. Зорькина ответа нет.

Нам представляется, прежде всего потому, что проводились эти реформы на базе заимствованных западноевропейских принципов и стандартов, в результате чего произошло наложение юридических форм буржуазного общества на совершенно иную социокультурную среду, психология и сознание субъектов которой были последовательно антибуржуазными. Мировоззренческим фундаментом западного права выступали Ветхий завет, римское *jus civile* и договорные отношения сюзеренитета-вассалитета феодального общества. Оно уже в XIX в. отличалось полной однородностью и изотропностью, основанием которых являлась предпосылка автономности и самодостаточности индивида по отношению к различным пластам бытия. Право описывает здесь сферу свободы индивидуума-собственника относительно иных реальностей – других лиц, природной и культурной среды, социальных и политических институтов и т. д. Отсюда происходит теория «естественных» прав человека, главным из которых является право частной собственности. Соответственно основная обязанность – не посягать на чужое

добро. Все остальные – это условные обязанности, носящие договорный характер. Исходя из этого западная жизнь выработала совершенную технику исполнения обязанностей в частноправовой сфере, но породила при этом культ собственности, вещьпоклонство, великий собственнический эгоизм и жесткий предельный формализм прав и юридического процесса, в котором суд интересуется только «внешней правдой», то есть соблюдением установленной формальной процедуры рассмотрения дела, безотносительно к его существу как реальному характеру человеческих отношений и их нравственному содержанию.

Такой же условный характер возобладал на Западе и в публично-правовых отношениях. Общество защищающихся друг от друга собственников нуждается в государственной власти только как в способе охраны своего имущества от грабежа. Отсюда – концепция государства как «ночного сторожа». Происходит борьба за ограничение верховной власти государства правами граждан-собственников. Результатом становится принятие конституций как формально-юридических соглашений о взаимных правах и появление конституционного правосудия, призванного контролировать соответствие текущего законодательства конституционным хартиям.

По мере движения западного общества в указанном направлении складывается теория и практика конституционализма, где государство выглядит как торговая компания, а его граждане – как ее контрагенты, где несоблюдение условий со стороны первого ведет к его прекращению или реформатированию. Тем самым Западная Европа и ее культурный анклав США оказались «пространством, где впервые произошел переход от традиционного общества к обществу Модерна. Причем, такой переход совершился благодаря развитию автохтонных для европейской культуры и европейской цивилизации тенденций» [4, с. 497–498].

Российское общество и государство исторически строилось на совершенно иных цивилизационно-культурных – православных ценностях, соединенных с дохристианским копным правом. Здесь всегда существовали: приоритет общих (общественных и государственных) интересов по отношению к частным и

групповым; доминация обязанностей над правами; производность права от государства; приоритет общественных форм собственности (в первую очередь государственной) перед частной; организация и деятельность государственного аппарата на основе принципа единства государственной власти; надзаконность верховной власти.

Господству и укреплению указанных принципов способствовало геополитическое, срединно-евразийское положение российского государства, что определило особенности его социально-политического и правового развития. Российскому государству постоянно приходилось отражать военный натиск и политическую экспансию с двух сторон – с Востока и Запада, причем часто одновременно, и иногда вопрос стоял о самом существовании государства и народа. Можно сколько угодно иронизировать по поводу русской психологии «осажденной крепости», но одно из значений слова «крепость» в русском языке – скрепа, соединение, обеспечивающее целостность и прочность, в том числе, и в отношениях между сословиями в государственной и общественной жизни (см.: [10, с. 287]). Надо понимать, что «тяговая система» или «тяговое государство» (выражение Н.Н. Алексеева), основанное «на разверстке между всеми сословиями только обязанностей, не соединенных с правами» [9, с. 310], сложилось на Московской Руси совсем не случайно. Бояре, а затем дворяне служили государю и государству, а за это крестьяне в обеспечение их службы постепенно прикреплялись к земле, кормили, вооружали тех, кто защищал самих крестьян. Это было «естественно-сословное государство» или «государство крепости» [8, с. 16–17], где не был исключением и сам самодержец. Он являлся носителем прав государственного верховенства, в которых никто не сомневался, «но столь же мало сомнения было и в том, что истинный православный царь определяет свою власть и сознанием нравственных обязанностей, на нем лежащих» [1, с. 165]. Власть государя не ограничивалась юридически, но она ограничивалась религиозно и нравственно. Священное Писание являлось для нее незыблемым законом. Как всякий православный христианин, он исповедовался духовнику и должен был слышать

слово божиих людей – старцев, юродивых, нищих. Поэтому вполне обоснованно говорить об ограничении царской власти каноном и стариной (обычаем), а саму ее необходимо рассматривать в том качестве, в каком ее видели люди Московской Руси – как обязанность и служение (см.: [14, с. 85–86]).

Русское государство строилось изначально на принципах доминанции обязанностей, где даже права монарха и господствующих классов вытекали из обязанностей и были их продолжением. Н.Н. Алексеев называет их правообязанностями, где право пропитывается обязанностью, а обязанность правом, как это существует в компетенции какого-либо государственного органа или должности [1, с. 158]. Здесь если и пользовались смысловой категорией «права», то только в прикладном, инструментальном, подчиненном смысле. Но эта техническая необходимость обращения к сословным или личным правам никак не означала их причастности к онтологии общественной жизни. Поэтому, в противоположность правовому государству Запада, Московскую Русь вполне можно назвать «обязательным государством» [3, с. 9–14]. Логика организации общества и государства на Руси была другой, чем в Европе, а их развитие происходило в соответствии с иными, нежели правовые, принципами и ценностями.

Не стали поворотными в этом отношении и реформы Петра I. Петр положил начало взгляда на царскую власть как исключительно на право, чем способствовал внедрению принципов западного абсолютизма в государственную организацию России. Но он еще в большей степени, чем прежде, нагрузил дворян обязанностями, укрепив их служилый статус. Однако уже во второй половине XVIII в. в российском обществе произошел разрыв органической связи между правами и обязанностями. Изданный Петром III (1762) и подтвержденный позднее Екатериной II Указ о вольностях дворянства освободил господствующее сословие от тягла службы. Дворянство получило возможность пользоваться всеми правами собственности, в том числе по отношению к личности своих крепостных крестьян, не неся практически никаких юридических обязанностей и ответственности. Высший класс стал жить по правовому образу запад-

ной жизни, крестьянство же не только до освобождения от крепостной зависимости, но «в некоторых отношениях и после него, жило еще в условиях остатков XVIII века и даже старой Москвы ... измененных к тому же к невыгоде крестьян» [1, с. 167]. Так крепость стала крепостничеством.

Освобожденное таким образом дворянство постепенно проникалось идеями западного варианта свободы в духе лишь своего собственного освобождения, причем не только от службы, но и от нравственности. И в этом смысле Дарья Салтычиха совсем не органичный персонаж русской истории, а порождение идеологии французского «просвещения», пересаженного на русскую почву. Отсюда происходят и «конституционные» стремления российского дворянства, которые так умиляют либерально настроенных авторов, с попытками ограничения верховной власти монарха и дворцовыми переворотами, начавшимися со смертью Петра I в 1725 г. и закончившимися ровно через сто лет неудавшимся восстанием декабристов.

Из этого же источника проистекают и Великие реформы 60-х гг. XIX века. Исходя из геополитических и цивилизационных особенностей и условий существования российского общества, по-видимому, наилучшим путем развития государства в России было бы сохранение отношений крепости, но поскольку крепость переродилась в крепостничество, уничтожение последнего было неизбежно. Вот только опоздало оно ровно на 99 лет.

Исторически достоверным является факт, что свое освобождение крестьяне почти поголовно восприняли как обман. Подавляющая часть земли осталась в собственности помещиков. Земельные наделы подлежали обязательному выкупу крестьянами, лишь после чего они получали право распоряжения своими участками. Но это означало, что свобода крестьян до выкупа признавалась лишь в теории и до его завершения они, становясь лично свободными, по-прежнему оставались прикрепленными к земле. Большое количество ограничений по распоряжению землей существовало для крестьян и после выкупа. Крестьяне оставались приписанными к общине, к миру, где по-прежнему господствовала круговая порука, периодические переделы земли,

жесткие ограничения на свободу передвижения. Для того чтобы получить долгосрочный паспорт, без которого крестьянин не мог покинуть деревни, нужно было согласие сельского схода, что часто зависело от выполнения повинностей общиной перед государством. По сути, и в пореформенный период земельная собственность для крестьян носила коллективный характер – общинный и тягловый. Крестьянство по-прежнему рассматривалось как особое сословие, существующее в особом правовом режиме, не подпадающее под действие общих правовых установлений. Так что советский колхозный строй и колхозное право логично рассматривать как развитие тенденций, заложенных в дореформенный и пореформенный период.

Привилегированными классами крестьянская реформа рассматривалась как предтеча реформирования местного управления и суда, а последние воспринимались как определенный этап на пути постепенного движения к гражданскому обществу и правовому государству. Следующим шагом должно было стать формирование представительных учреждений (см.: [11, с. 335–338; 12, с. 421]). Страна должна была реформироваться по европейским образцам в своей «верхней» части и оставаться полусословным тягловым государством внизу в интересах разлагающегося класса крупных собственников, бюрократии и обслуживающей их либеральной интеллигенции.

В таком контексте в системе Великих реформ судебная реформа занимает вполне определенное место. При всех своих недостатках судебная система, существовавшая до этого, вполне соответствовала сословной организации российского общества и имела возможность для дальнейшего органического развития.

Суд и расправу над крепостными осуществляли помещики. Несмотря на возможность произвола с их стороны, крепостные часто рассматривали помещичий суд как отеческий, патриархальный. При всех издержках крепостничества, как уродливой формы крепости, оно оставалось главной скрепой, удерживающей единство нации, что и проявлялось в помещичьем суде.

На уровне уездов дела в отношении государственных крестьян рассматривали уездные судьи при участии сельских заседа-

телей; дела, относящиеся одновременно к дворянам и поселянам, – судьей совместно с дворянским и сельским заседателями, а дела купцов и дворян – общим присутствием уездного суда и городского магистрата. На уровне губерний существовали Гражданская и Уголовная палаты, состоящие из председателя и советника, назначаемых правительством, а также четырех заседателей, два из которых выбирались дворянством, а два – купечеством. Губернатор осуществлял надзор за судебным следствием и за производством дел в судебных органах, утверждал приговоры уголовных палат и при несогласии с ними переносил дело на утверждение Сената или Императора.

Кроме общих судов существовали также: Коммерческий суд (члены суда избирались купечеством из своей среды); Надворный суд для разрешения уголовных и гражданских дел иногородних и разночинцев в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других губернских городах (его состав назначался Императором); Горный суд при Министерстве финансов, которому были подсудны споры в отношении казенной и частной собственности; Военные суды, рассматривающие дела классовых чиновников, канцелярских служащих, нижних чинов и служащих военного ведомства. Особыми органами, выполнявшими судебные функции, были некоторые подразделения других министерств, например, аудиториаты, состоящие при военном и морском министерствах и Главном управлении путей сообщения. В ряде областей и на окраинах действовало «инородческое право», включавшее в себя шариат, шаманское право, магдебургское право в Прибалтике, кагальное право и т. д. (см.: [13, с. 224–245]), что соответствовало многонациональному составу государства и представляло юридическую форму «цветущей сложности» различных культур, к сожалению, недоразвившуюся и обрубленную. Высшей судебной инстанцией был Правительствующий Сенат. Управление судебной системой, созданием и упразднением судебных органов, их кадрами занималось Министерство юстиции. Оно же осуществляло общий надзор за деятельностью судебных учреждений, что вытекало из совмещения должности министра юстиции и генерал-прокурора.

Судебная реформа 1864 г. покончила с этим многообразием, серьезно унифицировав судебную систему по западноевропейским образцам. Новая система судов, организация судебного разбирательства, статус судей и т. д. имели свои достоинства. Некоторые из новаций давно напрашивались и являлись своевременными, в частности, профессиональные судьи и адвокаты. Однако в целом и общем последствия судебной реформы оказались негативными.

Во-первых, в российском социальном пространстве не существовало условий и предпосылок (как нет их и сейчас), в силу его гетерогенности, для создания строго унифицированной судебной системы. Привнесенная извне европейски образованными реформаторами правовая система «юридической однородности» и детально формализованного судопроизводства, сведение судебного процесса почти исключительно к логическому состязанию при безусловном приоритете буквы процессуального закона над его содержанием, чем так гордится западная юстиция, – все это оказалось глубоко чуждым русской правовой ментальности. В этом смысле фраза одного из персонажей драматурга А.Н. Островского: «Вас как судить, по закону или по совести?» – абсолютно точно передает характер юридического мировоззрения подавляющего большинства населения России до настоящего времени. Для совести, которая служит для русских мерилom справедливости, суть дела всегда важнее формы. Приоритет юридической формы над содержанием, существом вопроса, сведение права к законодательству, которое недостаточно или плохо учитывает местные особенности, обычаи, традиции, мораль и нравы населения или отдельных его групп, породили и продолжают порождать не только у нас, но и в «просвещенной» Европе высокую степень отчужденности, прекрасно описанную еще Ф. Кафкой в романе «Процесс» (1915 г.).

Во-вторых, сложившаяся система судопроизводства во многом носила антисамодержавный, а следовательно, антигосударственный, разрушительный характер. Таким образом, судебная реформа вела к подрыву социальных и политических устоев российского общества (хотя это относится ко всей совокупности Великих реформ). В первую очередь

это выразилось в изменении роли и назначении прокуратуры. Она была лишена права общего надзора за законностью. Зато в ее лице государству, которое олицетворялось Императором, была вменена функция обвинения по уголовным делам, что делало его врагом значительной части общества. Одновременно стало возможным покупать за деньги защиту от уголовного обвинения. Поэтому адвокатура оказалась заинтересованной в наличии революционного движения (как в настоящее время – в существовании организованной преступности), которое обеспечивало ей громкие процессы и популярность в обществе, а также хорошие доходы. Во многом «благодаря» новой системе судопроизводства сложился союз революционеров и либеральной интеллигенции, который сыграл существенную роль в разложении имперской государственности.

В-третьих, судебная реформа в значительной степени катализировала то состояние российского общества, которое Н.Н. Алексеев назвал «поражающим несоответствием между юридической формой и бытом». «Усвоив западную юридическую форму, мы, однако, не выработали соответствующей ей техники ... не отрешившись вполне от своих собственных форм, мы потеряли постепенно все, что было им свойственно. Мы не развили в себе (западной. – *Н. Г.*) дисциплины в исполнении обязанностей, мы не были крепки ни в уважении к собственности, ни в исполнении договоров; но в то же время мы не развивали нашего права в сторону проникновения в него начала правообязанности и даже утеряли в этом отношении многое, что было заложено в московскую эпоху. Таким образом, наша жизнь в это время (в пореформенную эпоху. – *Н. Г.*) была типичным “ни то ни се”» [1, с. 167].

Совсем не случайно краткая фаза развития капитализма в России совпала с разложением самодержавной власти и государственности, а вернее, была одной из основных его причин. Абсолютной закономерностью в жизни российского общества пореформенного периода (которую мы легко можем обнаружить при внимательном рассмотрении и сейчас) выглядит тот факт, что в то время, как на поверхности государство и общество все более выглядели по-западному, в содержании их развития, в его сути, на уровне глу-

бинных процессов все сильнее пробуждались и пробивали себе дорогу метафизические основы российской цивилизации, архетипы и парадигмы которой были заложены в московский период ее истории и которые в советскую эпоху проявили себя как сталинский национал-большевизм. Поэтому, будучи по форме историческим разрывом с императорской Россией, Октябрьская революция и Советский Союз, с точки зрения логики русской истории, представляют собой совершенно закономерную фазу ее развития. Советское государство явилось необходимым звеном в эволюции российской государственности. «Истории потребен сгусток воли: партийность и программы безразличны» (М. Волошин). И потому важно понимать, что советская судебная система, унаследовавшая многое от пореформенного суда (пусть и не сразу), вернувшая что-то от предшествующего ему периода, адаптировавшая по-своему какие-то европейские подходы к правосудию, заслуживает учета своего опыта ничуть не меньше, чем суд эпохи Великих реформ. Тем более что по многим ключевым параметрам современный российский суд выглядит гораздо хуже, чем раскритикованный демократической общественностью советский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев. – М. : Аграф, 2000. – 640 с.
2. Высочайше утвержденные основные государственные законы 1906 г., 23 апреля // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год). – М. : Зерцало, 2000. – С. 311–320.
3. Дугин, А. Г. Теория евразийского государства / А. Г. Дугин // Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев. – М. : Аграф, 2000. – С. 5–19.
4. Дугин, А. Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую Политическую теорию / А. Г. Дугин. – М. : Акад. проект, 2014. – 683 с.
5. Захаров, Н. А. Система русской государственной власти / Н. А. Захаров. – М. : Москва, 2002. – 400 с.
6. Зорькин, В. Д. Суд скорый, правый и равный для всех. Судебная реформа Александра II: уроки для правильного развития России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.tg.ru/2014/09/026/zorkin.html>. – Загл. с экрана.

7. Казанский, П. Е. Власть Всероссийского Императора / П. Е. Казанский. – М. : Москва, 1999. – 432 с.
8. Карпец, В. И. Русь Меровингов и корень Рюрика / В. И. Карпец. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 512 с.
9. Ключевский, В. О. История сословий в России // Ключевский, В. О. Соч. В 9 т. Т. 6. Специальные курсы. – М. : Мысль, 1989. – С. 225–391.
10. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове / В. В. Колесов. – СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. ун-та, 2000. – 326 с.
11. Медушевский, А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе / А. Н. Медушевский. – М. : РОССПЭН, 1997. – 650 с.
12. Пуздрач, Ю. В. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности) / Ю. В. Пуздрач. – М. : Манускрипт, 2001. – 480 с.
13. Развитие русского права в первой половине XIX века / отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М. : Наука, 1994. – 316 с.
14. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М. : Наука, 1986. – 288 с.
15. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Альфа, 1996.

REFERENCES

1. Alekseev N.N. *Russkiy narod i gosudarstvo* [Russian People and State]. Moscow, Agraf Publ., 2000. 640 p.
2. Vysochayshe utverzhdennye osnovnyye gosudarstvennyye zakony 1906 g., 23 aprelya [Highly Approved Basic State Laws of 1906, April 23]. *Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava (X vek - 1917 god)* [The Anthology on History of State and Law (10th Century - 1917)]. Moscow, Zertsalo Publ., 2000, pp. 311-320.
3. Dugin A.G. *Teoriya evraziyskogo gosudarstva* [The Theory of Eurasian State]. Alekseev N.N. *Russkiy narod i gosudarstvo* [Russian People and State]. Moscow, Agraf Publ., 2000, pp. 5-19.
4. Dugin A.G. *Chetvertyy put. Vvedenie v Chetvertuyu politicheskuyu teoriyu* [4th Way. Introduction to the 4th Political Theory]. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2014. 683 p.
5. Zakharov N.A. *Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti* [The System of Russian State Power]. Moscow, Moskva Publ., 2002. 400 p.
6. Zorkin V.D. *Sud skoryy, pravyy i ravnyy dlya vsekh. Sudebnaya reforma Aleksandra II: uroki dlya pravilnogo razvitiya Rossii* [The Emergent, Right and

Equal Court for Everyone. Judiciary Reform of Alexander II: Lessons for Proper Development of Russia]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/09/026/zorkin.html>.

7. Kazanskiy P.E. *Vlast Vserossiyskogo Imperatora* [Power of the All-Russian Emperor]. Moscow, Moskva Publ., 1999. 432 p.

8. Karpets V.I. *Rus Merovingov i koren Rurika* [Rus of Merovingians and the Root of Rurik]. Moscow, Algoritm Publ., Eksmo Publ., 2006. 512 p.

9. Klyuchevskiy V.O. *Istoriya sosloviy v Rossii* [The History of Social Classes in Russia]. *Sochineniya. V 9 t. T. 6. Spetsialnye kursy* [Essays. In 9 vols. Vol. 6. Special Courses]. Moscow, Mysl Publ., 1989, pp. 225-391.

10. Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus: nasledie v slove* [Ancient Rus: Legacy in the Word]. Saint Petersburg, Filologicheskiy fakultet Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2000. 326 p.

11. Medushevskiy A.N. *Demokratiya i avtoritarizm: rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy*

perspektive [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in Comparative Perspective]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 650 p.

12. Puzdrach Yu.V. *Stanovlenie konstitutsionalizma v Rossii (teoreticheskiy i istoricheskiy aspekty razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti)* [Development of Constitutionalism in Russia (Theoretical and Historical Aspects of Russian Statehood Development)]. Moscow, Manuskript Publ., 2001. 480 p.

13. Skripilev E.A., ed. *Razvitie russkogo prava v pervoy polovine XIX veka* [Development of Russian Law in the First Half of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 316 p.

14. Nersesyants V.S., ed. *Razvitie russkogo prava v XV - pervoy polovine XVII v.* [Development of the Russian Law in the 15th – First Half of 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 288 p.

15. Foynitskiy I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. V 2 t.* [The Course of Criminal Court Proceedings. In 2 vols.]. Saint Petersburg, Alfa Publ., 1996.

THE JUDICIARY REFORM OF 1864 IN THE CONTEXT OF THE GREAT REFORMS: EXPERIENCE OF HISTORIOSOPHIC REVISION

Grachev Nikolay Ivanovich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Department of Civil and Arbitration Proceeding,
Volgograd State University
grachev.n.i@mail.ru, trofimov@volsu.ru
Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article attempts to analyze the judiciary reform of 1864 as a part of all Great reforms of the 1860s. The emphasis is made on long-term trends and regular patterns in the development of the Russian society and state provoked by these reforms. In this connection, the reforms and their consequences are examined and assessed in the light of objective civilizational fundamentals of the Russian statehood and people's legal mentality, as well as in the context of their correlation with Western political and legal standards. The certain parallels are drawn between the post-reform Russia and the current condition of the legal and political system of Russia.

Key words: judiciary reform, court system, Great reforms, supreme authority, legal obligation, civilizational fundamentals of statehood, legal state, obligatory state, legal mentality, legal form.